

В воронежской поэзии рубежа столетий стихи Зои Колесниковой занимают примечательное место.

Читатель вдоволь вкусил женской лирики, в которой alter ego автора отличается умом и страстью, интеллектом и стойкостью, и очень часто напоминает амазонку — в первую очередь, своей отчетливой самодостаточностью.

А вот стихотворений, в которых можно найти терпеливое женское сердце, затаенную любовь, окрашенную тихой печалью, сдержанность чувств, — как никогда мало. Такие произведения притягивают не только женскую читательскую аудиторию, часто сентиментальную, но и читателя-мужчину, который соскучился по легкой ласке, мягкому слову, прозрачной грусти, созвучной закатному небу...

Строки Колесниковой именно таковы. В них наглядна эскизность, свойственная восточной поэзии. Но здесь нет строго подчеркнутой формы, которая могла бы напомнить о стилизации и разрушить искренность лирических слов. В этих стихах присутствует неторопливость событий и переживаний, «медлительность течения реки». Речь поэтессы порой витиевата, но рядом же — и очень проста. Иногда сбивчивая и неловкая, она вдруг последовательно выстраивается, как по скрытым магнитным смысловым линиям:

А река не вошла в берега...

А душа над тобой распростерта...

Эти дали, холмы и луга...

Нет преград.

И последняя — стерта.

Рациональный человек назовет лирику Зои Колесниковой старомодной. Не нужно опровергать подобную, в духе современного века, характеристику. Потому что нынешнее время эмоционально и нравственно никак себя не утвердило, но постаралось тщательно выветрить из человеческого сознания уют семейного очага, доверительность отношений, жертвенность любви, терпение, скрытое от посторонних глаз, и еще многое, без чего трудно жить, верить в будущее и сохранять память о прошлом.

Ты был готов к разлуке этой...
И сам все чаще говорил
о доле русского поэта...
И ты меня не удивил,
когда сказал, слегка сутулясь,
настороженный сам к себе,
среди вокзалов, башен, улиц:
— Я буду помнить о тебе!

Современная поэзия увлеклась видимой сложностью своих героев, заигралась в слова, запуталась в реальных предметах — и внезапно стала похожа на цветы, постоявшие в подкрашенной воде: линии те же, но оттенки — совершенно чужие.

Стихи Зои Колесниковой, неброские по форме и традиционные по духу, который их пронизывает, помогают каждому читателю почувствовать: мир все еще человечен, а верность любящего сердца по сей день является животворящей кровью нашей литературы.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

* * *

Отрывной календарь уменьшается вновь.
Вот уже и февраль устремился в отлет.

Холодеет душа. И мятежная кровь
начинается здесь, но замедлила ход.

Мне бы завтра войти и остаться с тобой
там, где зреет восход, зеленеет трава...

Даже царь Соломон говорил про любовь,
утверждая твои надо мною права.

* * *

И эти розы на окне,
и эти теплые мгновенья —
все это странно, не во мне
и вовсе не от вдохновенья.

Была привычной суета.
Любовь как жалость в ней сквозила...

Но жизнь, наверное, не та
нас уводила, увозила...

И дождь весенний на стекле
веселый танец не рисует,
и в предрассветной прячет мгле
все то, что кто-то мне рифмует.

* * *

Уже нетрудно думать о поре,
зовущей нас к Божественному Свету:
взойти к Нему на утренней заре,
иль на вечерней — полудреме ветра.
Легко быть добрым. Белый свет жалеть...
Идти к Голгофе тысячу ступеней...
И до заката, может быть, успеть
услышать о причастности к Успенью...
Как тихо на кордоне у реки!
Но птиц многоголосое звучанье —
как жест все той таинственной руки,
махнувшей нам отсюда на прощанье.

* * *

Этой ночью, долгой и безвидной —
пенье соловья и тихий дождь
где-то рядом зазвучали слитно
так, что пронизала душу дрожь.

Есть одна всегдашняя примета —
если высоко — пора устать...
Полная луна над полусветом
перестанет дни мои считать...

Нехотя Земли живое тело
Приголубит, скроет, примет вновь...
Ветер всхлипнет детски-неумело
и развеет по небу любовь.

* * *

«Мы с тобой полюбили друг друга...» —
Ах, какие простые слова!
Тридцать лет неизбежного круга
постигала моя голова.

Лунный свет заползает за шторы,
проникает во все времена,

где скопились великие горы
пишем, песен... И завтра луна,
как вчерашние десять столетий,
улыбнется влюбленным не нам.
И никто не посмеет на свете
не поверить не нашим словам.

В НОЯБРЕ

И все-таки рябь на воде,
И все-таки дождик осенний...
И серое небо там, где,
объятые снами и ленью,
у самой черты за рекой
возникли и снова пропали
дома и деревья строкой,
в которой они угасали...

* * *

Снится мне старая школа,
дети бегут к ней и я...
Сыро сейчас там и голо,
вовсе пустые края.

Пруд там все тот же и мостик
через глубокий ручей...
Ночью в нем плавают звезды,
словно сто тысяч свечей.

Снится мне старая школа,
птиц улетающих крик...

Светится очень знакомый
Боженьки тающий лик
над родником у погоста
там, где расшатанный мостик...

Снится мне старая школа...

НОВОГОДНЕЕ

Дебаркадер, занесенный снегом...
В праздничном убранстве дерева
будто бы скользят, идя за светом,
мне шептали добрые слова.
Где мерцали утренние свечи,
там сиял разбуженный восток —
словно говорил мне: «Время лечит...»,
думая, что истину изрек.

Только почему-то на распутье
нескольких времен, да и дорог
путь мой среди долгих трудных буден
у ковчега вечности прилег.

* * *

Город засыпает тихий снег,
голые деревья засыпает,
плачет обо мне и обо всех,
и, впервые за зиму, не тает.

Все смешалось: небо и земля,
Все в смятении — и душа, и тело...
Тихим снегом падаю и я,
Этого ль душа моя хотела?

* * *

Сквозь дожди сверкнуло лето
на мгновение, как сон,
среди пасмурного света
воскрешенью в унисон.
Уходили, оживали,
Отпевали в снег и в зной...
Понимая, узнавали
Плач сердечный над собой.
Но в душе сквозило лето —
словно выморочный рай...
Только лето не отпето...
Где-то близко крайний край...

* * *

Облетает акации цвет...
Холода среди лета иные...
И прошедшая тысяча лет
изменила забавы земные...

Впереди неоглядная даль,
позади все березки да ивы...
Среди радости прячет печаль
добрый день. Он почти счастливый,
несмотря на потери мая,
обретения, холода...
Цвет акации облетает...
И, — наверное, — навсегда.

Дожди, дожди, дожди, дожди...
 И небо — будто бы не летом.
 И нет надежды впереди.
 И нет тепла. И мало света.

Остановилось время то,
 которое во мне светилось.
 Там лет, наверное, по сто
 в том каждом дне моем скопилось.

И тихо-тихо на Земле,
 как будто на другой планете...
 И плачет девочка во мгле.
 И нет меня уже на свете.

Я здесь оплакана не раз.
 Дождями празднично отпета.
 Во имя добрых теплых глаз...
 Во имя нас: меня и лета.

* * *

Как будто весна, а не лето,
 как будто синички поют...
 Весь мир для меня и поэта —
 земной и небесный уют.
 Мы с ним столько лет пролистали
 и ясных, и пасмурных дней...
 И только теперь мы устали...
 И эта усталость видней
 среди океана ромашек
 и гула шмелей на лугу...
 Теперь их покинуть не страшно
 весной, на лету, на бегу...

* * *

А ветры осенние снова устали,
 открыли небесные нежные хляби...
 А воды зеркальные с легкой рябью
 глядят, как сбиваются вороны в стаи.
 Река обращает нас к теме участия
 великого Неба и малой Земли,
 она понимает безмерное счастье,
 которое мы сохранить не смогли.
 Там будут сиять купола не над нами,
 и клекот, и щебет себя воплотит
 в незнание наше, начавшись с печали,
 о том, что планета летит и летит...